

**ФИЛОСОФИЯ КАК ЛИТЕРАТУРА:
ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ИЗМЕНЕНИЯ ФОРМАТА
ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА**

Американский философ Ричард Рорти (1931-2007) в одной из своих небольших, но принципиальных работ указывал, что интеллектуалы Запада со времен Возрождения прошли через три этапа: «сначала они надеялись получить искупление от Бога, потом - от философии, теперь того же ждут от литературы»¹. Поясним вышесказанное, изложив кратко концепцию Рорти. Он считает что так как, среди современных интеллектуалов преобладает литературная культура, то и религия, и философия выглядят как род или жанры литературы. Переход от религиозной философии к философии наукообразной, начался с возрождения платонизма в эпоху Ренессанса, а уже после Канта начался, в свою очередь, переход к литературной форме изложения философии (сначала романтики, затем – Ницше).

Еще Мартин Хайдеггер полагал, что эта замена строгой философской мысли на литературные упражнения была упадком, сдвигом от серьезного мышления к поверхностному любопытству. Многие философы – поклонники естественных наук согласились бы с ним по данному вопросу. Однако сам Ричард Рорти полагает, что эта смена философских дискурсов была шагом вперед: «Вместо дурных вопросов вроде «Что такое Бытие?», «Что такое действительная действительность?» и «Что такое человек?» был поставлен вопрос осмысленный: «Есть ли у кого-нибудь какие-нибудь новые идеи относительно того, что нам, людям, можно и должно делать с нами самими?»»².

Соответственно, должны по новому формулироваться и цели такой литературной культуры. Мы знаем, для каких целей предназначены научные теории: новое знание, имеющее в перспективе практическое приложение. Но для каких целей предназначены романы, стихи и пьесы? Рорти считает, что их предназначение - менять пределы воображения. Субъект такой практики – литературный интеллектуал. Он теперь задает “неудобные вопросы”, полагая, что “недостойно человека жить такой жизнью, которая не соприкасается с ныне достигнутыми пределами человеческого воображения”³.

Автору данной работы эти замечания Рорти представляются очень важными для осмысления как дисциплинарного формата философского знания, так и институциональных перспектив философского сообщества. Ниже будет дан комментарий по поводу изложенной позиции Ричарда Рорти.

Для современной философии проблематизировано обретение публичного признания, так как возникла проблема убедительности философского высказывания для современной “широкой” аудитории. Философия всегда была сложна для восприятия, но сейчас, если следовать логике концепции Рорти, требуется иной формат сложности философского высказывания. Философия утрачивает авторитет в современном обществе в виду утраты логического

¹ Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии 2003, №3, С.31

² Там же, С.33

³ Там же, С.35

способа предъявления своих высказываний. Сам формат философии как самообосновывающейся логической системы уходит в прошлое и на его место приходит литературный способ обоснования. Сильная сторона современной философии не логика (философы-аналитики именно на логику делают упор), а выдержанность литературного жанра. Убедительность современной философии – это убедительность поэзии, а не логики. Поэтому автор данной работы, вслед за Рорти, считает, что сейчас уместнее говорить о философии как об определенном литературном жанре, чем о какой-то логической системе. (Обратную позицию занимает академик Теодор Ойзерман: для него структурализм Деррида, Фуко и Барта – это скорее метод анализа художественных произведений, а не философия⁴.)

Изменение формата философского дискурса (способа объяснения) не означает, что философия трансформируется в литературу. Философы осознанно продолжают писать философские тексты, но самосознание многих современных философов изменилось, они все больше понимают, что пишут именно литературный текст, а не научную работу. Философы все больше себя осознают не учеными, а литераторами. В виду этого меняется авторская интенция: философ все более ориентирован не на работу с понятиями, а на творчество авторских концептов, смысловых метафор и языковых метонимий. В качестве иллюстрации этого положения можно указать на ротацию одного из самых значимых философских понятий – понятия “бесконечное”. Это понятие имело за историю философии самые разные интерпретации, от универсалистской – бесконечное как нечто такое, что объединяет все остальное, до романтической – бесконечное как идея абсолютной свободы, отделенная от идеи абсолютного познания. “Бесконечное теряет свое очарование”⁵ - именно так Ричард Рорти выделял это понятие для иллюстрации уменьшения интереса к философии среди интеллектуалов. Но именно тогда же, в середине XX века начался период творчества авторских концептов, смысловых метафор, предполагающих именно философское осмысление. У Жан-Поля Сартра есть широко известный афоризм: “Ад – это другие”. Данный афоризм вполне можно рассматривать как наглядный пример метафоры, предполагающей именно философский комментарий. У Мишеля Фуко такой метафорой является формула “автор умер”, ибо, по мнению Фуко, он перерастал быть сосредоточием познавательной интенции, у Жака Деррида – “книга умерла”, т.к. открылась двусмысленность письма и из всякого текста можно сделать противоречивые выводы. Конечно, родоначальником такого формата философии является Ницше с его концептом “сверхчеловек” и смысловыми метафорами “Бог умер”, “вечное возвращение”, “воля к власти”.

Если Платон в своих работах занимал радикальную позицию в отношении поэтов, призывая их к изгнанию из государства, ибо они занимаются мифологией, то столь разные философы XX века как Мартин Хайдеггер и Ален Бадью, рассматривают саму поэзию как родовую процедуру производства истины. В этом ряду находится и Ричард Рорти, с его замечанием о том, что героями современной эпохи являются поэты и революционеры-утописты, но не философы.

⁴ См. об этом: *Митрохин Л.Н.* Мои философские собеседники. — СПб.: РХГА, 2005, С.367

⁵ *Рорти Р.* Универсализм, романтизм, гуманизм. — М.: РГГУ, 2004, С.29

Стоит указать на противников такого подхода. Для философов-аналитиков литература и философия – разные вещи. Строгая аналитическая традиция исходит из гипотезы тождества логической структуры между языком и миром. Этот исходный методологический принцип подхода к миру они рассматривают как универсальный, поэтому они претендуют на создание теории литературы, вбирающей в себя опыт аналитической философии и, прежде всего, – опыт теории речевых актов. Исходя из этого, они создают, а точнее предпринимают попытки создания теории литературы. Конечно, в случае создания такой теории, мы можем сказать, что философия и литература – разные вещи и литературный модус для философии не приемлем уже потому, что именно философия и создает теорию литературы. Однако, все попытки философов-аналитиков создать такую теорию литературы ни к чему не привели, и, в виду этого, мы можем говорить, что философия – разновидность литературы, а не какая-то иная рефлексия.

Возвращаясь к теории Ричарда Рорти, укажем, что, согласно его теории, научная культура и литературная культура вносят разный, но равноценный вклад в формирование политической культуры. Речь идет о том, что наука (прежде всего в ее естественнонаучном варианте) дает хороший пример социальной кооперации – пример экспертного сообщества, в котором процветает свободное обсуждение и позитивно оценивается ошибка. Можно сказать, что ученые-естественники предлагают модель для самой процедуры проведения политических дебатов – модель честности, терпимости и доверия.

Если ученые предлагают модель осуществления *процедуры* политических дебатов, то какую модель предлагают представители литературной культуры? По мысли Рорти, представители литературной культуры предлагают модель иронического отношения к *результатам* этих политических дебатов, выборов, голосований. Современному человеку, если он хочет оставаться в правовом поле политической жизни, ироническое отношение к своей неудаче в политике необходимо. Поэтому развитый современный человек – *ироник*, а современная философия – иронична по интонации. Тем самым философия, развиваемая в формате литературы, способствует формированию той политической культуры, в которой правила демократической игры не нарушаются и социальные катаклизмы грозят обществу уже в меньшей степени.

Если предположение о смене формата философского дискурса является верным, то встает вопрос о дисциплинарном и институциональном закреплении такой практики. Как должна быть институализирована философия, развиваемая в модусе литературы? Напомним, что от эпохи Фихте и Гегеля философия понималась как наука, а нынешняя форма организации философского обучения, равно как и структура философского факультета, порождены в ходе университетской революции в Германии конца XVIII века⁶.

Для автора данной работы очевидно, что данная форма организации философского образования, доставшаяся нам по наследству от немецкой системы высшего образования XIX века, без существенных дополнений и новаций не имеет смысла.

⁶ См. об этом: *Рингер Ф.* Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии 1890-1933 гг. — М.: Новое литературное обозрение, 2008; *Коллинз Е.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002

Философию всегда упрекали в отчужденности от повседневной жизни, и в этом была своя правда. Будучи умозрительной дисциплиной, философия всегда стояла перед проблемой адекватной адресности своих сообщений. И если в классическую античность адресатом философских высказываний было государство, а в новоевропейской культуре, начиная от Жан-Жака Руссо, адресатом являлось общество, то сейчас потребителем философии, вероятно, является частное лицо.

Ныне сформировалась новая сфера потребления философского продукта: сфера приватного в человеческой жизни и это задает новые требования к философскому образованию. Речь идет о том, чтобы философия выполняла не только функцию просвещения, но и функцию адаптации к современной жизни. Конечно, философ не может прийти на место психолога или священника, но он может занять свое место рядом с ними – помогая людям в тех вопросах, которые находятся в сфере внимания самого философа по преимуществу. Это – вопросы идеологии и/или новой мифологии. Сейчас эта сфера общественной жизни оказывает тотальное воздействие на повседневную жизнь человека, прежде всего через СМИ, и поэтому, у ряда людей появляется, не может не появиться, потребность в эмансипации от идеологического воздействия как самого государства, так и иных агентов публичного пространства. Можно сказать и иначе: все больше людей испытывают потребность в свободной форме потребления той же идеологии/мифологии. Это дистанцированность от идеологии достигается через формирование *навыка речевых практик* философского дискурса.

Для реализации этой потребности в эмансипации от идеологии (и мифологии) имеет смысл получить философское образование или, по крайней мере, пространную консультацию. И для овладения этим видом знания индивиду нет смысла менять свою профессию или как-то ее умялить. Ему надо просто вписать свое знание о мире в определенную систему ценностей, расположить его в определенной шкале, научиться рационально пользоваться своим здравым смыслом.

Таким образом, мы можем сказать, что философское образование имеет хорошую перспективу именно как второе образование. И как второе образование оно не отменяет, не снимает, не дезавуирует первое, а всего лишь *перенастраивает человеческую субъективность*, дает ей новую динамику.

Философское образование, получаемое как второе образование, нужно не для вхождения в профессиональное сообщество философов, а для формирования нужного человеку образа жизни, “личной оригинальности”. Далеко не всем людям это нужно, но есть люди, которым это необходимо; им необходима свободная форма потребления идеологии. Это потребность в свободной форме потребления идеологии возникает в обществе на определенном этапе его развития, когда общество входит в такую ситуацию, где востребованы не столько новые идеи, сколько новые речевые практики. Определение содержания этих практик – принципиально важно для развития и философии и философского образования. Однако на пути этого определения стоят определенные препоны.

Так сложилось, что ныне философы являются довольно замкнутым сообществом, и эта замкнутость становится проблемой для самого сообщества, выражаясь в падении конкурса на философский факультет, в малых тиражах книг по философии, в низком статусе философа среди интеллектуальных со-

обществ. Выходом из этой ситуации, как было сказано выше, является переадресование своих сообщений не обществу, а частному лицу. Философу имеет смысл, становится кем-то вроде интеллектуального духовника, удовлетворяя потребности в философском диалоге. А для этого нужен адекватный способ постановки философских проблем.

Итак, если философское образование нужно не для вхождения в профессиональное сообщество философов, а для формирования нужного человеку образа жизни, “личной оригинальности”, то философия имеет хорошую перспективу в форме частной консультации. Эта консультация может быть очень длительной и по существу принимать форму традиционного обучения. Но в ходе этого обучения, у обучающегося философии нет надобности в штудировании классической философской традиции и в усвоении классических текстов по философии. Здесь имеет смысл ориентировать на видение современного мира, современных феноменов, учить ориентации в сложившейся системе ценностей, но для этого нужен новый язык изложения материала. Язык наукообразной философии, равно как и аудиторные лекции по философии, менее всего приспособлены для решения этих задач. Организация образовательного процесса на философском факультете как крупномасштабного производства способствует только отчуждению от философии, ибо сводится к изложению и усвоению идей, и никак не нацелена организацию языковых практик. Очевидно, что ни о каком формировании личной оригинальности при таком подходе к философскому образованию речь идти не может.

Мы же ведем речь именно о частном модусе потребления философского знания. В любом случае от такого философского образования требуется содействие в осуществлении некоего опыта самости как опыта рационализации субъективности потребителя философского знания. Смысл этого опыта в формировании должной степени свободы в современном обществе.

Итак, если первое высшее образование должно быть в той или иной форме научным, то философское образование как второе высшее предназначено для тех, кто хочет сформировать свою индивидуальность. Поэтому, повторяем, второе образование не отменяет первое, а всего лишь перенастраивает человеческую субъективность.

Если в первом высшем образовании оправданно кафедральное и дисциплинарное деление, дающее теоретическую подготовку в какой-то области, то для философии теоретической подготовки быть не может определению, т.к. философия – авторская вещь, и в ней может быть единого учебника по философии. Равно не может быть и школы в философии, аналогичной школам в науке. Школы в истории философии были, но название “школа” не должно нас уводить в сторону от того факта, что эти учреждения (к примеру, школа Аристотеля и школа Платона) были ориентированы на разные общие принципы – разные эйдетические утверждения.

Представляется возможным сформулировать следующее различие между наукой и философией: философия *эйдетична*, а наука *гипотетична*. В науке разные школы ориентированы на разные гипотезы, и между разными школами идут дискуссии и конкуренция по поводу оправданности той или иной гипотезы. Эти дискуссии идут до тех пор, пока в этом общем теоретическом поле гипотез (более или менее значимых для всех ученых конкретной научной дисциплины) не победит та гипотеза, что даст лучший практический эффект. В философии, в свою очередь, общего теоретического поля нет, и

единственное, что объединяет разные философские направления – это, хоть и дискретное, но, все же, общее проблемное поле. Есть различные виды философии: феноменология, экзистенциализм, аналитическая философия, но эти виды представляют собой не школы, а направления, т.е. эйдосы философии. В литературе мы также обнаруживаем именно направления, а не научные школы, потому что литература также как и философия эйдетична.

Литературный формат философского дискурса обнаруживает недостаточность сложившегося на философских факультетах кафедрального и дисциплинарного деления. Этого деления вполне достаточно для науки, но, представляется возможным сказать, что философское образование должно быть дополнено еще одной институцией: институализированным отношением “учитель-ученик”. Эти отношения возникают и при нынешнем кафедральном делении философских факультетов, но они не предполагаются нормативными документами существующей системы высшего образования и рассматриваются в рамках этой системы как отношения, в лучшем случае, факультативные. Автор данной работы считает, что институализация отношений “учитель – ученик” в рамках философского образования является наиболее адекватным ответом на изменение формата философского дискурса.

Отношения “учитель–ученик” предполагает не только более приватную степень контактов, но иное содержание обучения. Если при получении первого высшего образования универсальное образование вполне оправданно, то при получении философского образования как второго высшего, имеет смысл учить только одному – “быть философом”⁷. В истории философии уже были примеры такой практики. Например, в поздней античности, как отмечал Пьер Адо, “философ является учителем и духовником, который стремится не к тому, чтобы раскрыть свое видение мира, а к тому чтобы при помощи упражнений воспитать себе последователей”⁸. Поэтому, полагал Адо, стоит вернуться к тем идеалам практик, где философия была интимно встроена в отношения между учителем и учеником.

Очевидно, что отношения “учитель – ученик”, наблюдаемые и сейчас на философских факультетах, не даны изначально как гармоничные отношения. В существующих условиях подготовки философов желаемая гармония отношений “учитель – ученик” не гарантирована в своем устойчивом воспроизводстве. Точнее не гарантирована желаемая эффективность этих отношений: обретение учеником своего философского лица и профессионального статуса, включая защиту диссертаций и публикацию работ. Поэтому формы обучения, задающие результативность этих отношений, должны быть признаны не на словах, а институционально.

⁷ Ричард Рорти указывает, что “со времен Гегеля интеллектуалы все больше и больше теряли веру ... в то, что ... есть некий единый и единственный контекст, в котором человеческая жизнь может быть явлена в истинном свете – такой, какой она есть по истине”. (С.32) Сейчас если на что интеллектуалы и уповают, то на Искупительную истину. “Упование на искупительную истину – это то, что Хайдеггер называл жадной подлинности – стремлением быть самим собой, а не просто продуктом своего образования или своей среды”. (С.31) Постигание искупительной истины – это специфически философский способ обретения автономии... (С.32) “Искупительная истина - это попытка найти нечто такое, что не создано самими людьми, но с чем у них, тем не менее, могут быть особые, привилегированные отношения, отличающие людей от животных” (С.35).

⁸ Адо П. Плотин или простота взгляда. — М.: Греко-латинский кабинет Ю.А.Шичалина, 1991, С.11

Осмысление возможностей для введения такой институции имеет место в современной философии. Кроме Пьера Адо, постоянно писавшего, что античная философия была языком разговора между учителем и учеником, его последователь – Мишель Фуко также был озабочен поиском такой микро-структуры, где была бы возможна процедура обучения на основе взаимности любви и доверия.

Причем этот опыт взаимности и доверия, порождающий свободу, не сводится ни к экзистенциальной идентификации с чем-то трансцендентным (например, с Христом) и ни к спекулятивному знанию как у Гегеля. Здесь не идет речь о радикальном преодолении сложившихся безличных форм макро-сообществ (государство, народ), для того чтобы придти к своему личному решению и таким образом занять осмысленную позицию. Именно это предлагалось в философско-политическом опыте Жан-Поля Сартра. (И именно этого не принимает Рорти, призывая соблюдать правила демократического общезнания.)

Мишель Фуко был озабочен иными вещами. Он декларировал, что политическая функция интеллектуала состоит в том, чтобы истину рассматривать не в контексте классово-стратификации на макро-уровне общества, а в контексте отношений господства и подчинения, ибо эти отношения шире, т.к. предполагают и нестратифицированные отношения⁹. Поэтому его внимание концентрировалось на микро-уровне властных отношений и именно на этом микро-уровне отношений Мишель Фуко искал те структуры, которые производят все тот же опыт свободы.

Опыт свободы, к которому апеллировал Фуко, это не спекулятивный опыт Гегеля, не экзистенциальный опыт Сартра, а исключительно имманентный опыт, позволяющий человеку занять позицию свободы по отношению к сообществу в целом. Такой опыт свободы сам Фуко называл “заботой о себе”. В ходе этого исключительно имманентного опыта и формируется искомая приватная субъективность. Необходимым условием формирования такого опыта являются интенсивные речевые практики по изменению тех самых пределов воображения, о которых писал Ричард Рорти. В этих речевых практиках относительно концептов и смысловых метафор люди, занимающиеся философией, научаются быть свободными.

⁹ См.: Фуко М. Политическая функция интеллектуала // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. — М.: Праксис, 2002, С.209